

Лана Франт

КАРА СУДЕСНАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Франт

Кара чудесная

«Автор»

2026

Франт Л.

Кара чудесная / Л. Франт — «Автор», 2026

Мне всю жизнь говорили: «Тимур, займись делом, приноси пользу». Я пытался — и делал это не один. На пару с лучшим другом мы наказывали тех, кто топтал чужие жизни, и верили, что это правильно. А потом наши дороги разошлись. Так бывает. Но мое одиночество продлилось недолго. В Поволжье появился мститель. Его жертвы не отделяются легким испугом. Его не видят камеры и не помнят свидетели. Его оружие комично, но методы расправы вызывают дрожь, восторг, отвращение... и любопытство. Я хочу найти этого мстителя. Не чтобы остановить. Чтобы узнать, откуда эта сила... и какова ее цена.

© Франт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лана Франт

Кара чудесная

Пролог

Дело мое полезное, хоть и по-своему — не каждый согласится с моей оценкой. Но это дело явно не то, на которое мать смотрела бы с гордостью.

Совсем не то.

Ветер бушевал и рвал кроны деревьев в палисаднике — отлично: нас не услышат. Ночь раскрасила черное полотно белой крапункой — замечательно: нас не увидят.

— Подожди! — щупленькая рука схватила меня за капюшон. — Не так резко. Осторожно. На полусогнутых.

Я уже думал рвануть из укрытия за стеной пятиэтажки — быстро, шумно, чуть ли не с боевым кличем, — но мои живые тормоза пришли в действие. Бесподобно.

Я прислушался к шепоту напарника. С согнутыми коленями продвинулся вдоль стены, склонив голову — чтобы не встретиться затылком с решетками на окнах. Сбоку раздался гулкий удар, приглушенное шипение и проглоченное ругательство — шуршание листы его зацензурило. Я хмыкнул: и этот парень с завидным постоянством говорит мне про осторожность?

Свет в окнах угасал — жильцы делали вид, будто ничего не видят и не слышат. Мы натянули балаклавы и окончательно сроднились с темнотой.

Звуки потасовки приближались. Квартет малолетних шкетов (ну как малолетних? Чуть младше нас) окружил худошавого паренька с длинными волосами — те, что подкрадывались со спины, зарились на синтезатор в чехле и, не надо гадать, прикидывали, за сколько его можно продать. Наивные. Паренек хоть и выглядел легкой добычей, но это не так — музыканты без боя свой инструмент не отдают. А у этого металлоуги еще и козырь в рукаве имелся.

Только он об этом не знал.

Даже не догадывался.

— Каких берешь?

— Как обычно.

Я ускорился и, скрытый кустами, встал аккурат напротив парней, что выкрикивали такие слова, за которые мама мне бы всадила по самое не хочу. Я отдал длинноволосому пареньку должное — он сохранял спокойную мину при экстремально плохой погоде. Привык, наверное. Раз живет в этом районе, то не в первый раз сталкивается с обделенным умом сбродом.

Я посмотрел на своего напарника. Мы обменялись большими пальцами — и по едва заметному кивку вышли из тени, как хозяева двора.

Мои жертвы увидели Влада. Его жертвы и несчастный паренек — меня. Я заулыбался под маской и подмигнул ему. Шкеты проглотили языки и не успели предупредить друг друга. Монтировка в моих руках (обмотанная шарфом — я же не совсем кровожадный) и бита Влада идеально легли в их поясицы.

Крики и стоны малолетних преступников — любимейшая мелодия. Шок на их лицах и трясущиеся перед праведным возмездием коленки — улада для глаз. До чего же прекрасное чувство — ставить людей на место.

Мелочь превосходила числом, но мы с Владом крупнее, быстрее и вооружены. Один пацан, хватаясь за ушибленное место, пустился прытью, второй (и оба — мои жертвы) последовал его примеру. Я, малость, затосковал — думал, повеселее будет, — но уловил боковым зрением еще один повод пустить оружие в ход.

Прыжком я подобрался к металлу, замершему, как статуя, и обрушил инструмент на руки, что уже тянулись к синтезатору.

Раздался хруст. Хулиган заверещал, как маленькая девочка. Длинноволосый вышел из оцепенения, нырнул за бордюр, на детскую площадку — и уже оттуда продолжил наблюдать, точно задаваясь вопросом: добро мы или еще большее зло?

Наверное, добро. Своеобразное. С кулаками.

Влад пригрозил битой прыткому пацаненку (сколько ему, лет четырнадцать? Куда родители смотрят?) — тот получил удар под дых, свалился мешком картошки и пополз, пополз, как слизень после грозы, роняя тщедушные слезки. Мой напарник махнул на него рукой и вновь взял на себя самую ответственную в нашем деле роль.

Паренек со сломанными запястьями замер в немом крике.

Кровавая пелена легла на глаза.

Я возвел над его головой монтировку...

Хрясь!

...и она столкнулась с деревянным стволом биты. Хлопья облупившейся краски взметнулись облачком серой пыли. Спортивный инвентарь получил боевую отметину, мой инструмент едва завибрировал в руках, как несбалансированная арматура.

— Хорош.

Полыхая и парясь в воображаемой кровавой бане, я столкнулся с холодными серо-голубыми глазами Влада. Он покачал головой.

— Пускай бежит и оглядывается по сторонам.

От адреналина в крови я дрожал. Сердце сочиняло умопомрачительный бит. Пот стекал по спине, кулаки чесались еще раз взмахнуть моим оружием и проломить и биту Влада, и голову маленькому засранцу. Он валялся в ногах, жалостливо стenal, поджимая раненные лапки, плакал, мамочку звал. Мерзкое зрелище, не откликающееся ни каплей сострадания.

Не надо мне, чтоб хулиганье боялось — мне надо, чтобы его стало меньше.

— Брат, — голос Влада смягчился, — он и так несколько недель не сможет д... др...

Он поморщился: я так и видел его кривящийся рот под маской.

Слепая ярость ослабила хватку. Я обезоружено поднял брови. Мать моя женщина. Я настолько потерял контроль, что мой стеснительный и почти безобидный друг взаправду собрался выразиться... просторечно?

— Дрочить?

Влад выдохнул — и в этом выдохе прозвучала такая благодарность, будто я голыми руками остановил несущийся на всех парах поезд. Меня прорвало на смех. Ох уж эти различные парни, гоняющие по вечерам шпану.

Я завел монтировку себе за шею, подмигнул напарнику и склонился над мальцом — едва ли старше ретировавшихся сокомандников. И зло, и горестно стало на душе. Дети совсем, а уже на кривую дорожку ступили. Нет у них, видимо, авторитета в семье, вот и ищут его, дешевый, на улицах спящего города.

Глазки мальчика, покрасневшие, побледневшие, выкатывались из орбит и взирали на меня так, словно перед ним не обычный парень в балаклаве и со строительным инструментом наперевес, а жнец в мрачном одеянии, что пришел по его душу.

Увы.

— Ты прав, гриб. Для него это хуже пробитой копилки.

Я схватил мелкого за плечо — он пискнул и закрыл лицо опухшими руками, — поставил на ноги...

— Пошел! И оглядывайся теперь.

...и отвесил того, чего ему явно не хватало — отцовского подзатыльника и материнского поджопника.

Еще секунды шкет взирал на меня так, словно ждал подвоха — пришлось шикнуть, и он убежал, сверкая пятками. Ничего не видящие, ничего не слышащие жилыцы окружающих домов проигнорировали его грустную оду собственной боли и унижения.

Жажда крови окончательно отпустила. С чувством выполненного долга мы с Владом выдохнули и звонко схлопнулись ладонями. Хорошо поработали.

— Ты почти слетел с катушек, — с упреком сказал он мне.

— Зато мои тормоза сработали на ура, — я по-приятельски стукнул кулаком по его предплечью.

Влад усмехнулся и приподнял краешек балаклавы на переносице, чтобы надышаться свежим воздухом. За спиной друга раздался шорох, и мы с удивлением обнаружили, что металлога все еще здесь — выглядывал из-за толстого ствола тополя. Чего-то ждал.

— Ты нас снимал? — Влад задал тот же вопрос, что и всегда на наших вылазках.

Длинноволосый выудил из кармана смартфон, нажал на кнопку блокировки. Экран продемонстрировал разряженную батарейку. Повезло, уговаривать удалять видео не придется. Мы не так уж давно в этом деле, только осваиваемся. Популярность нам пока не нужна.

— За что? — паренек кашлянул из своего укрытия. — В смысле, помогли.

— Мимо проходили, — мы синхронно пожали плечами.

— Вы всегда ходите с битой и... кочергой?

Я залился отчасти возмущенным хохотом. Так мой инструмент еще не называли.

— В каком уж районе живем. Иди с миром уже! — я взмахнул рукой и выставил большой палец. — Причесон, кстати, классный.

Он быстро кивнул и ушел, так и не распознав, сарказм это был или от чистого сердца. Да и я, признаться, тоже не понимал. Надирание задниц нагловатой шпане, самоуверенным воришкам и прочим негодьям всегда поднимает настроение — его сразу так много становится, что льется оно через край и я окатываю водой всех, кто рядом оказывается. Не потому что хочу — сдержаться не могу. Да и мне жаль, что ли? Пускай другие тоже улыбаются — мне только в радость.

— Ну что? По домам?

— Щас-щас. Дай насладиться моментом.

Я откинул голову и поднял ткань балаклавы на шее. Влад эйкнул и хлопнул меня по руке: заприметил камеру на ближайшем подъезде, мало ли, вдруг не для красоты. Вот облом! А так хотелось вдохнуть полной грудью и ощутить на лице остужающую ласковую прохладу! Самое то после с чувством выполненного дела!

Сомнительного, конечно. Хотя...

Я смотрел на своего напарника и вспоминал, как мама отреагировала на него тогда, девять лет назад. Заулыбалась, запричитала: «Худющий какой!» и с тех пор постоянно через меня выпечку передает. Засмушалась, слезу пустила, когда ее «тетей Розой можешь меня звать» не послушал и только полным именем, как бы сложно ни было, стал звать — Раушана.

— *Хороший мальчик, — сказала она мне. — Воспитанный. Точно тебя ни в какие авантюры не затянет, как предыдущие твои дружки!*

Он такой. Авантюры — это по моей части. Влад помнется, потревожится, кучу за и против приведет, да согласится — еще и с отдачей! Знала бы мама, что именно с этого шуплика все началось. И что за наводки на хулиганов именно Влад отвечает. Не сегодня только. Металлоге мы не соврали — взаправду просто рядом были.

И пускай не знает дальше. Она верит в черно-белый мир, только ее «черное и белое» — не добро и зло. Для нее все решает польза. «Займись делом, приноси пользу» — эту мысль

вкладывали мне в голову с тех пор, как я начал что-то соображать. Ана¹и представить не могла, как это мной поймется — и лучшей ей остаться в неведении.

Меньше знаешь — крепче спишь.

¹ Мама (здесь и далее перевод с казахского и примечания автора).

Глава 1

Не всегда с дела удастся уйти сухими. Это вчера хулиганы уровня начальной школы преступности попались — иногда и мы с Владом огребаем. Ничего серьезного, обычные синяки и ссадины, но каждую мама замечает — и в такие моменты ее строгие глаза разочарованно меркнут, а я свой стыд деть куда-нибудь пытаюсь, чтоб он меня не съел. Говорю: «Так, слово за слово и понеслось...» Вру ей наглым образом, отчего сильнее грызу себя. Знаю, что она за меня переживает — да иначе не могу.

Ни признаться, чем занимаюсь, ни отказаться.

Умывшись, почистив зубы и наспех впихнув в себя хлеб с маслом (мама отругала, что опять проспал и нормально не поел), я поцеловал ее в щеку и поймал в ответ добрую улыбку, от которой душа залилась соловьиным пением. Я нырнул в кроссовки и выбежал в подъезд. На крыльце уже поджидал Влад — весь при параде, как обычно. Светлые брюки с рубашкой наглажены, белые носки выдавших «Конверсов» аж сияли под солнцем. Я засмеялся, увидев друга в очках.

— Здорово, гриб. А линзы где?

Он досадно щелкнул языком:

— И тебе салам. Посеял вчера одну. Лишних денег нет пока у родителей — до стипендии подожду.

Я понимающе промолчал. Влад нахмурил брови и, ругнувшись, снял очки и принялся протирать стекла краешком рубашки.

— Может, давай, одолжу?

— У кого? У Раушаны? — Влад, оценивая чистоту стекол, фыркнул. — Хорошо, Тим. Ходил же я раньше постоянно в очках и ничего. Потерплю немного.

Очки у него обычные, без поляризации — дорогое больно удовольствие. Когда Влад на линзы перешел, радовался, что наконец солнцезащитные смог носить — и вот погода и обстоятельства сломали его имидж. Утреннее солнце светило Владу прямо в глаза, и меня позабавило выражение его лица — как будто кислятины наелся. Или...

— Ты прямо как в восьмом классе, когда решил, что больше не хочешь выглядеть, как ботаник. «Забыл», — я нарисовал кавычки в воздухе, — очки и потом на биологии шурился, чтоб надписи на плакате рассмотреть.

— Зато я тогда поднял руку! И ответил на вопрос. — Влад заворчал и важно отчеканил: — И не заржал со слова «вагина».

— Не заржал. Зато как раскраснелся... Да-да, вот так же!

Его щеки запестрели. Кровь и к моим щекам прилила, да незаметно этого, в отличие от Смирнова — он та еще бледная поганка.

— Иди в жопу.

— Маршрут заманчивой. Уточни, в какую?

Он толкнул меня в плечо, а я залился хохотом. Каждый раз, когда я подкалываю Влада или несу всякую ерунду, он закатывает глаза, хлопает себя по лбу и обреченно приговаривает: «И почему я с тобой общаюсь?». Это уже своего рода наш ритуал.

Мы подошли к остановке как раз, когда подъехал нужный автобус. Сели, устроились на свободные места в хвосте и зарылись в телефоны. Во время поездки мы обыкновенно показывали друг другу экраны, смеялись с мемов и снова листали свои ленты в соцсетях, давая передышку — друг другу, друг от друга. Анонсы свежих музыкальных релизов, желтуха о скандалах между блогерами и сообщения о вставших посреди улицы трамваем смешались в невнятную мозаику, в которой красными вспышками выделялись новости криминала — местного, реги-

онального, мирового... один из пабликов, на который я подписан, публиковал фотографии без цензуры, предлагая любителям острых ощущений и темной стороны общества взглянуть на моря крови, лоскуты плоти, оторванные конечности и не прилизанные, как в кино, гримасы повешенных, убитых... и убитых убийц. Меж позвонков пробежал мороз, когда соседний город поднял руку и отчитался о бурной ночи.

«Мужчина 24 лет, в 2:35 по местному времени, обратился в больницу, куда его привезла девушка, которая, как позже выяснилось, призналась, что пострадавший совершил в отношении нее попытку изнасилования. По словам потерпевшей...»

Чем дальше в текст, тем ближе к горлу поднималась желчь. Кто-то слил фотографии травмы этого парня — и, стоило кровавому месиву между его ног попасться на глаза, как я резко свернул вкладку, заблокировал экран, будто это могло вычеркнуть увиденное из памяти, и уставился в окно, плотно прижав колени друг к другу. Мда уж. Не то чтобы подобные ублюдки достойны сочувствия и, уж тем более, размножаться в будущем... и все же.

Двигатель автобуса бурчал и вибрировал под сидениями так, что заднице становилось щекотно. Однотипные провинциальные пейзажи за окном преследовали всю долгую дорогу до колледжа. Тополиный пух витал в воздухе подобно снежинкам, ветер играл длиннющими косами берез и тревожил обновленную, сочную листву городских деревьев. Я потянулся показать Владу очередной мем со словами «О, ты!» и обнаружил, что друг мой прикорнул — еще чуть-чуть и захрапит.

— Проснись и пой, спящая красавица!

Он вздрогнул от смачного хлопка по спине и кое-как разлепил веки. А раньше подпрыгивал — привык уже.

— Выходить скоро.

— Угу, — Влад зевнул, расстегнул карман рюкзака и достал проездной. Я потер потные ладошки и, кашлянув, выпалил:

— А мелочи не будет?

— И это ты мне сегодня предлагал в долг дать? — друг фыркнул.

— У меня есть! — кровь прильнула к кончикам ушей, и я сложил руки на груди. — Просто... у меня только крупная.

— Да-да, — Влад хмыкнул и порывлся в рюкзаке, в поисках своего худенького кошелька. С погрузневшими глазами он протянул мне монетки и слабо, неуверенно улыбнулся. — Да-да.

Формально, на пару мы опоздали. Фактически — пришли вместе с преподам; а значит, косяк не засчитан. Мы заняли свою парту, достали тетради (у Влада общая, с разделителями на каждый предмет и неоновыми закладкам, которыми он помечает термины, у меня — что под руку в продуктивном попало). Вязкий, как мед, голос препода вещал об устройстве современных систем цифровой безопасности так сладко и плавно, что в сон уже склонило меня. А Влад, хоть и зевал во весь рот (того гляди порвется), но водил ручкой по клетчатым страницам.

Я написал под партой сообщение: «Разбуди, если храплю» и отправил. Смартфон Влада проснулся, друг прочитал облачко текста на экране блокировки и, повернувшись ко мне, снисходительно кивнул. К моему отношению к учебе он тоже привычен.

Если моя мама в восторге от нашей дружбы, то матушка Влада долго не могла взять в толк, как мы сошлись. Мы с ним действительно как будто из разных миров пришли. Гиперответственный заучка и гиперактивный раздолбай, «без пяти минут малолетний преступник» (ха-ха), как про меня тетя Лена за глаза говорила, а Влад передавал. По-другому смотреть на меня она стала где-то через полтора-два года после, когда Слава школу закончил. Помню то

первое сентября и как изменилось отношение одноклассников к парнишке, что потерял щит в лице старшего брата. Я просто сделал шаг вперед, чуть загородив Влада — и на том все закончилось, не успев начаться.

Сколько-то я дремал, даже сон какой-то видеть начал: мы с Владом были на деле, магазинных воров лупили. Из Морфеева царства меня выдернул хлопок дверью и смена настроения колыбельной — в интонацию препода просочилась строгость, сдобренная остротой.

— Пожаловали-таки?

— Прошу прощения, Михаил Сергеевич, — ответил басовитый голос. — Пробки.

— Что ж, — препода потянулся, словно его же лекция на него снотворящим сиропом подействовала, — спасибо и на том, что добрался. Почтил своим визитом. — По рядам пробежался тихий смешок. — Проходи.

Опоздун приземлился за пустующую перед нами парту и достал из бананки свернутую трубочкой тетрадь.

— Но, раз проштрафился, то ответь на вопрос...

Сергеевич спросил что-то про различия двух антивирусов — я не вслушивался. Пытался разлепить веки и отмахнуться от образов неслучившегося сна. Матвей вертел ручку меж пальцев и красноречиво молчал.

— Тише тебе, Смирнов, — Сергеевич подпер двойной подбородок кулаком и ухмыльнулся, когда увидел поднятую руку Влада. — Знаю я, что ты знаешь. Дай и другим возможность блеснуть знаниями.

Полусонный, я покачал головой и усмехнулся. Скорее рак на горе свистнет.

Кровь пощекотала уши, когда новая волна застенчивых смешков прошла по рядам, а друг незаметно ткнул меня под ребра. *Ай*. Это должна была быть мысль, но язык сказал твердое и безапелляционное «Не в этот раз».

— Рак на горе серенаду креветке споет, если ты ответишь, Айдаров, — отпаривал препода.

— Не слышал, чтобы раки пели. Вдруг певцы из них хуже, чем закуска?

Одногруппники осмелели и загоготали подобно гиенам. Влад накрыл краснеющее лицо руками, но плечи его подрагивали от смеха. А у меня голове картинка нарисовалась — раки собирают метал-группу с креветками на бэках и поют о Волжских просторах, сетях рыбаков, смерти в кипящей кастрюле и пивных похоронах. Я сглотнул щекочущий хохот и постучал себя по лбу. И что за мысли порой рождаются в этой черепной коробке?

— И что ты здесь делаешь, Тимур? — Сергеевич, покачивая головой, заулыбался. — Программиста из тебя не выйдет, а вот артист — пожалуйста! Аудитория уже есть, — он обвел взглядом нашу группу.

— Хлеб у Сабурова забирать не хочу.

— А что сразу — забрать?

Я неопределенно повел плечами.

— Да не хочу просто.

Препода несколько секунд всматривался в меня, после чего небрежно произнес:

— Все равно подумай. Юмор тоже своего рода система безопасности.

И сам ответил на вопрос, наконец отвязавшись от Матвея. Парень повернулся ко мне и моргнул — благодарно, как мне показалось. Мешки под его глазами серели, отливали зеленой, почти повторяя цвет радужек и контур старой татуировки на правом запястье. Матвей сполз под стол, прилепил подбородок к яремной впадине и опустил веки такого же нездорового оттенка. Он пытался не заснуть, но точно хотел и старался выжить без энергетика, с которым заявлялся каждый день в течение этого года.

Пробки, значит? Не верю. Точно всю ночь кутил.

Препод вновь завел колыбельную, только в этот раз сон не пришел ко мне. Я плотно задумался над словами, что услышал.

Юмор — система безопасности. Я попытался уловить посыл, найти связующие элементы и состыковать их со своими смыслами и мироощущением, но получил какой-то комок из разноцветных проводов, который даже Влад не распутает, попади он ему в руки. Я слышал (и знаю), что юмор — это защитная реакция. А если есть резон защищаться, о какой безопасности может идти речь?

Влад спокойно себе конспектировал лекцию, пока я вырисовывал каракули на полях. Друг вполне мог отучиться в десятом и одиннадцатом, а потом с легкостью в вуз поступить, но пошел другим путем. Специальность выбрал осознанно — и эта осознанность сыграла с ним злую иронию. Я пошел за Владом чисто за компанию — с моей усидчивостью не потянул бы экзамены. И вот мы оба сидим на паре по цифровой безопасности — а вечером или когда вновь перехватим вызов, заступим в патруль. Найдем нарушителей покоя и на одну десятую процента избавим мир от угрозы, которая с покрытием Земли кабелями никуда не делась — реальной.

На большой перемене буфет обыкновенно заполнился голодными ртами. Нашествие студентов разных курсов проредило содержимое подносов и стеклянного прилавка — когда очередь дошла до меня, оставались только дешевые шоколадки и пара булок.

— Прости, Тимур, — вздохнула буфетчица Надя с сочувствующей улыбкой. — Все, что осталось. Свино-говяжьи, — она кивнула на обернутые тестом сосиски.

От досады мои губы поджались. Бегло взглянул на шоколадки и, несмотря на недовольное бурчание в животе, я выпросил только кофе.

— С тыщи будет?

Буфетчица глянула под кассу и покачала головой.

— Запишу тебя. Снова. — Женщина усмехнулась, загоняя меня в краску. — Не надо напоминать, что лето скоро?

Взяв стакан с растворимым кофе, я выставил перед собой ладонь и торжественно пообещал вернуть все долги. С процентом в виде нормальной шоколадки, а не того недоразумения с пластмассовым привкусом, что завозили на прикорм сотням студентов.

Гундеж, болтовня и смех разных тональностей и громкости плясали между бежевых стен, на которых местами облупилась краска. Через окна в грязноватую крапинку, оставшуюся после недавнего дождя, в буфет лился солнечный свет — он не бил, скорее, шлепал по глазам, будто дразнил и подначивал поиграть в салки с ним и зайчиками, что отскакивали от граненных стаканов. Будь здесь кошки, и зайчики, и луч получили бы желанное внимание. Но это буфет, наводненный преимущественно парнями с бездонными желудками и неиссякаемым запасом тем для обсуждений. Куда сейчас до созерцания?

С одного из столов помахал одноклассник — он закивал на свободные места, зазывая меня и плетущегося позади Влада присоединиться к беседе и трапезе без трапезы.

— Ничего не купил?

— Не хочу есть, — поправляя очки, пробубнил друг в ответ.

Та часть парней, что имела совесть посещать пары в мае, оживленно обсуждали, не соберутся ли нам всем по завершению практик и экзаменов. Каждый выкидывал свое предложение и каждый приводил доводы «за» и «против».

— Может, бар?

— Не, давайте антикафе.

— Да ну вас! Дорого.

— Может, просто на пляж сходим?

И так далее. Я особо не вслушивался, понимая, что влезу в любой кипиш, кроме голодовки — сегодняшней мне надолго хватит.

— Короче, я напишу в беседу, все отпишутся и решим, че. — Староста зажевал остатки несчастной булки и с набитым ртом добавил: — С девчонками своими приходите, если им делать нечего.

— Или если кого-то одних не отпускают, — съехидничал Колян, короновавший себя главным шутком в группе (после меня, конечно). Правда, его репертуар обычно вызывает стыд, нежели смех. Однотруппник вцепился хитренькими глазами во Влада и, растягивая слова, завел пластинку: — А то кто-то выпал...

Смирнов, отпив кофе, твердо выдал:

— Меня никто на привязи не держит. Я сам так хочу.

Ухмыляясь, Колян покачал головой и зацокал. Влад закатил глаза, не зная, что и ответить, тем самым подстегнув меня опрокинуть шута. Постучав пальцами по стакану, я откашлялся и поставил локти на стол.

— Твоя как?

— Кто? А у меня она есть? — Колян усмехнулся.

Существует один донельзя банальный способ поставить бестактного дурака на место. И всегда рабочий.

Я улыбнулся...

— Как же? — ...и похлопал себя по правой руке. — А это кто?

Лицо Коляна вытянулось. И пока остальные парни загоготали, он ограничился тем, что, краснея, как помидора, прыснул. Я позволил себе насладиться простым, оттого особенно вкусным триумфом.

— Короче, решим, — повторился староста, после чего повернулся к самому немногословному участнику застолья: — Ты что думаешь?

Сегодняшний опоздун шуршал пакетом с булкой — Матвей к ней так и не притронулся. Цветастая банка энергетика (это уже второй или он первый приканчивает?) хрустела в его руке, расписанной множественными татуировками. Их так много, что кажется, будто это не на кожу нанесли рисунки, а наоборот — между чернильными картинками черепов, ножей и прочей брутальной ерунды добавили белые островки, чтобы полотно не слилось в антистресс-раскраску. Порой я засматривался на эти шедевры натальной живописи (не только на Матвея — в принципе на всех, кто их носит) и прикидывал, как они бы смотрелись на мне. Есть в этом что-то завлекательное.

— Посмотрим, — пробасил Тихонов, непринужденно пожав плечами.

— Один пойдешь или с кем-то? — спросил его староста деловым тоном, будто получил однозначный ответ.

Колян, с честью принявший унижение, тут же захотел отыгаться на ком-то еще и бесцеремонно влез в разговор:

— А у него кто-то есть? — и пощекотал себя по руке.

Я шлепнул себя по лбу. Он что, кроме моих же шуток, ничего лучше предложить не может? Еще и так топорно скопировал... безвкусица какая-то.

И пока я думал, что Коляну не помешал бы экспресс-курс по комедии, не заметил, как стало тихо. Даже... зловеще тихо. Словно наш столик накрыло звуконепроницаемым куполом и вырвало из шумной реальности большой перемены.

Колян и Матвей прожигали друг друга глазами, пока взгляды остальных бегали между сцепившимися парнями. На лицах однотруппников читался вопрос, к чему приведет эта перепалка. И сколько баллов из двенадцати присвоят землетрясению.

— Да что ты пристал? — обратившись к шуту номер два, Влад пошатнул тишину. — Своей личной жизни нет, вот и докучаешь другим?

— Что это сразу — докучаю? Мне интересно, вот и все.

Колян даже не повернулся. Безрассудно шел напролом, с песней и ухмылкой, пока два маленьких болота на безэмоциональном лице Матвея темнели.

— Так что, — шут-самоубийца поднял брови, — есть?

— А тебя ебет? — раздалось в ответ. Умом я чувствовал отсутствие угрозы в словах (которые даже не мне предназначались!), но невольно поежился — из-за низкого баса они прозвучали, как серия подземных толчков.

— Так один придешь или...?

Воздух опасно накалился. Хотя я и не участник и, уж тем более, не зачинщик конфликта, быть свидетелем оказалось не менее противно. Одно дело приструнить случайных драчунов, когда вооружен битой и монтировкой, а лица скрыты под масками, и совсем другое разнимать, по сути, нагишом и знакомых. Мне захотелось поскорее свалить, и я легонько толкнул Влада локтем. Мы переглянулись и поняли друг друга без слов. Допиваем остывший кофе и идем отсюда к черту.

— Она и ошиваться рядом с тебе подобными? — Матвей натянул уголки рта. — Скорее... рак на горе свистнет.

Он стрельнуть в меня взглядом — и кофе полился не в то горло. Долгое и дружное «о» растянулось по столу жирной змеей, а кто-то из парней и вовсе довольно захлопал в ладоши, как на спектакле. Мой язык стукнулся о зубы и был таков.

— Обиду кинул? — только и вымолвил.

Когда Матвей, хрустнув банкой, поднялся со стула, я невольно запрокинул голову — и шею прострелило. Мой глаз дернулся, но больше ничем свой дискомфорт я не выдал. Ох уж эти двухметровые. Недолюбливаю таких — на их фоне чувствую себя минипутом, взирающим на игрушечного солдатика. Такой черты, как обидчивость, за Матвеем не замечалось, и все равно я смотрел на эти раскрашенные медвежьи лапы, убеждаясь, что ошибочно растолковал значение его взгляда, которым он ответил на мой импровизированный стендап. Спровоцированный его же неловким моментом.

Матвей встал за спиной вновь притихшего Коляна и смотрел прямо мне в душу. Глаза у него такие, что и не скажешь, обнять он тебя хочет или на прогиб бросит. Натурально два болота.

Я чувствовал, к чему все идет. Тычком под ребра Влад не нашел кнопку «Выкл». Разряды тока пробежали под кожей, приводя меня в боевую готовность.

— Обида? За кого меня держишь? — Тихонов усмехнулся. — Просто сравнивал счет.

Я сглотнул и, подозревая, каким взвинченный выгляжу, постарался ответить максимально непринужденно.

— Я от тебя кару преподскую отвел, а ты... — и флегматично махнул рукой, под которой горячим маслом разлилась дрожь.

Еще один тычок. Влад не терял надежды остановить меня, хотя и знал: единственный способ заставить меня замолчать — отрезать язык. Ножом в таких целях Смирнов пользоваться не умеет. Что ж... пора учиться.

Буфет стремительно опустевал, а вот людей за окном, где находилась курилка, точно пребывало. Матвей посмотрел поверх меня, наверное, прикинул, сколько времени осталось до звонка — маловато, — и махнул чернильной рукой уже на меня.

— И без тебя бы справился. — А затем он крепко хлопнул Коляна по плечу (клянусь, я услышал хруст), наклонился к его уху и с улыбкой трикстера, даже не стараясь шептать, проговорил: — Ты понятия не имеешь, на что способна эта рука. — Черепушки и розы заплясали перед округленными глазами Коляна. — Такие красивые песни создает... твоя только для дочки в одиночестве и годится.

Все это слышали — и все покраснели, как раки. Наверное, Матвей так пошутил, но никто не засмеялся. Колян и вовсе побледнел, будто сам жнец пожаловал по его душу, но в последний момент помиловал.

— В этот раз обошлось, — выдохнул Влад, когда мы покинули столовую и потопали в аудиторию. А затем пробурчал: — Твой язык до добра не доводит.

Я фыркнул с невнятной улыбкой.

— Нас — нет. А вот будь у меня девчонка...

— То по десять раз на дню слышал бы, что ты придурок.

Мы зашли в кабинет и сели — снова за Матвеем. Мурашки муравьями ползли по спине. Я продолжал корить себя — за страх. Мне действительно в моменте стало страшно, что Матвей кинет меня в стену, и не мог понять, почему так подумал. Хорош же тот охотник за преступниками, что испугался одно лишь взгляда крупного одноклассника...

Очередная лекция. Мне было не до конспектов — я полностью погрузился в рефлексии о произошедшем на перемене, параллельно накидывая слова в рифмы, подводя их к панчам (бесполезное занятие — забуду через десять минут, если не запишу).

Где-то через полчаса в глаза бросилось, что Матвей как-то слишком пристально рассматривает татуировки на запястье. Я и сам пригляделся, недоумевая. Ладно мне они интересны — все-таки иногда подумываю сделать себе парочку, но хочется подойти к этому решению осознанно и вложить смысл в рисунки, что останутся со мной на всю жизнь, а не быть что попало, потому что «это круто»; но Матвей точно не первый день видит эти черепа, ножи и розы. Уже должен был привыкнуть. Ведь так?

Он свернул тетрадку и уложил ее и ручку в сумку. Бананка плавно сползла под парту и спряталась под его футболкой.

— Можно выйти?

Преподаватель отвлекся от рассказа и метнул в Матвея подозрительный взгляд. Названный очень убедительно изобразил недоумение. Или нет — цвет лица отдавал зеленцой, как будто его действительно тошнило. Матвей приложил кулак ко рту и надул щеки.

— Кажется, съел что-то не то.

Немилостиво вздохнув, преподаватель кивнул. Тихонов сорвался с места. Из-за сквозняка дверь громко хлопнула — до шелеста песка под слоями штукатурки, — а затем, будто кошка на солнечном подоконнике, тишина вальяжно разлеглась над партами.

Глава 2

Дребезжание звонка с последней пары входит в список мелодий, которы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.